

ВЕТЕР НЕ ПРИНОСИТ ПРОХЛАДЫ

28 апреля

Наступившая жара, необычная в это время года, конец апреля, сушит напитанную весенними обильными дождями крестьянскую землю, выпаривая из неё липкий горячий земляной пот. Поверху почва уже обожжена свирепым светилом и турецким горячим ветром, покрылась трещинами, но под сухой коркой ещё столько талой и дождевой воды, что должно хватить её до середины лета – всю весну стекала она с окрестных холмов в обширную долину, где раскинуто это большое село Чадыр, как в корыто, а мелкая местная речка не имеет сил вынести лишнюю воду из долины. Потому в низких местах вокруг неё и сейчас стоят ещё большие зелёные лужи, в которых плавают, меченые краской или чернилами, утки. Девятое мая приближается, монумент Родина-Мать в разобранном виде завезён и куски его лежат на краю стройплощадки, и строительной работы ещё столько, что маловероятно успеть, и всё потому, что чертёж был неправильно прочитан из-за маленькой неточности. К полудню жизнь насовсем замирает, и невозможно уломать колхозную строительную бригаду продолжить спасательные строительные работы. Бригадир этой строптивой стройбригады, Дядя Миша, Михал Фёдорович, или Фёдорыч, как окликают его в этом селе, допустивший постыдную для строителя ошибку, неправильно прочитав чертёж, мается стыдом и позором, и ничего не может сделать, авторитет его у бригады вполовину утерян.

– Пацан!.. Мелочь!.. Только вот-вот школу окончил, а скумекал... подлец. А я с жары расслабился, обмяк, портянка старая. – Он бьёт себя костяшками кулака

в лоб. – Мы его на земляные работы взяли... землю лопатить, подсобником. Отец за него просил. Говорил же он мне... дядя Миша... это, кажется, план нарисован, а никакой не фасад. Это, я так соображаю, он говорит, лежать должно, а не стоять. Это если поставить, то на нём монумент не поместится. А я что? Много ты понимаешь, пацан... Даже смотреть не стал в чертёж, потому как солнце меня сильно припекло и мозгой шевелить не очень-то хотелось в тот момент. А и опалубка уже была, считай, готова. Сколько материала на неё перевёл. А у нас материал сейчас есть са-мый дефицит... Доска-то из России шла раньше задёшево, а теперь из Европы та же доска, но задорого...

Михал Фёдорыч ведёт меня к себе домой. Солнце угрожающе нависает над нашими головами. У меня в руке сумка с инструментом, там ещё три пары носков и пара трусов. Я в командировке.

– Ты, Георгий Николаич, не психуй, жара спадёт, мы это дело поправим. Заходи...

Он открывает передо мной глухую калитку в высоком заборе.

– Щас сядем, обмозгуем... Я думаю, дольём сколько надо бетону, чтобы подогнать по размеру. Под облицовкой шва не видно будет.

– По ширине, может, и подгоним, а по высоте он у вас, Михал Фёдорыч, на метр двадцать выше...

– Так и хорошо, что выше. И надо, чтобы народ головы задирал... это ж монумент! Как в городе, издалека видеть должны. Проходи, дорогой, в беседочку. А я распоряжусь, чтобы нас покормили.

У бригадира усадьба богатая, забор высокий, крепкие ворота. Недаром что стройбригадой руководит. В беседочке, оплетённой зацветшей жимолостью, хоть и жарко, но не печёт, как на улице. Из беседки, которая к тому же расположилась под густой акацией, укрывшей её от солнца, виден добротный дом под черепичной крышей и с высоким крытым крыльцом.

— Маришка, дочка, покормит нас, а мы пока вина выпьем, — махнул хозяин большим, литра на три, глиняным кувшином в правой руке, а левой нёс он за донышки два гранёных стакана. — Мою европейскую смесь вся махала и всё начальство знает, а столичных гостей ко мне! водят на утоление жажды.

Он наливает два полных стакана. Вино у бригадира чудесное — холодное, лёгкое и с кислинкой. Попробуйте выпить газировку в такую жару, — Буратину или, скажем, Дюшес, — вмиг обольётесь горячим потом, и ещё больше пить захочется. А сухое вино — нет, оно медленно расходится по телу и наполняет его витаминами и другими полезными элементами природы. А после третьего стакана наступает в организме баланс и блаженство, и тело охлаждается лёгким благоухающим потом. А в мозгу веселье...

Выпили по второму. Я было про стройку заикнулся, но Михал Фёдорович меня остудил.

— Николаич! Дай пообедать спокойно. Стройки у нас ещё, знаешь, сколько будет до девятого мая? Замаешься пыль глотать и нервы трепать! А пока пей... Во! Маришка уже казанок несёт.

Казанок меня, по правде, не то, чтобы не заинтересовал, есть не очень хочется по жаре, а больше заинтересовала меня Маришка. Если кто помнит старый фильм «Табор уходит в небо», и главную цыганку того фильма Раду, то мне показалось, что Маришка, должно быть, такая же... Такой же у неё искристый, смешливый взгляд, когда она быстро глянула на меня, ставя поднос на стол. Так же ловки и быстры её движения, когда раскидала она по столу две глиняные глубокие миски, деревяшку с нарезанным хлебом, плошку с солью, красными стручками перца и зубками чеснока. Кинула на край стола, зазвенев, ложки и вилки, и тогда уж, сдвинув поднос, водрузила на середину чёрный казанок, крытый эмалированной зелёной крышкой. Эта зелёная крышка мало того, что глупого

зелёного цвета, а ещё и не по размеру, и с бутылочной пробкой, просунутой в ручку, чтобы не пекло пальцы. Эта зелёная крышка стала для меня единственным неверным мазком во всей чудесной картине этого маленького сельского мирка, ласково и заботливо окружившего меня вместе с добрыми хозяевами высоким забором.

– Папаша, что Стефании сказать? – говорила Маришка, снимая крышку с казанка, выпустив наружу медово-травяной дух мясного варева. – Я до неё скоро пойду.

– А скажи ей, что опосля девятого мая только смогу я... А раньше никак... с мемориалом не поспеваем. Не слыхал, Георгий Николаевич? ЧП в нашем городе, небесный камень метеорит упал, и аккурат на крышу... вот... Маришкиной подруги. В газете столичной уже про то прописали. Прославились... Маришка, я себе сам налью, а ты гостю налей, его зовут Георгий Николаевич...

– Это я вас тогда, что же, должен буду Маришой Михайловной звать? – сказал я, оглядывая её широкие крестьянские плечи и обильную низкую грудь. – Ох не хотелось бы... Лучше бы просто Маришой. И меня просто можно звать – Георгий...

Я вроде как скокетничал с ней, но как-то не совсем ловко получилось. А она подхватила...

– Так и мне сподручнее вас Георгием звать, – улыбаясь, не глядя на меня, ставя передо мной миску, полную пахучего жирного варева, исходящего паром. – К тому же я не Михайловна, а Степановна.

Я глянул на хозяина, – может, что я не так сказал?

– Я на её матери женился, а Маришка при ней уже имелась. А отцом у неё Степан был, мой старший брат. Покойный...

Он поварёшкой, подняв со дна, налил себе густого варева, прихватив побольше плавающих шкварок, два больших куска мяса оставил при этом в казанке – на второе блюдо. Я уж и не знаю, как это варево у них называется, а только пахнет вкусно, остро и жирно. Хозяин